

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/299585173>

Криминогенный потенциал постиндустриального общества: анализ рисков

Article · January 2013

CITATIONS

0

READS

219

1 author:

[Tetiana Melnychuk](#)

National University "Odessa Law Academy"

17 PUBLICATIONS 0 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

УДК 343.9.018.3
ББК 67.513

Т.В. Мельничук
*кандидат юридических наук, доцент,
Национальный университет «Одесская юридическая академия»*

КРИМИНОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ РИСКОВ

Для стран постсоветского пространства проблема вхождения в эпоху постиндустриализма усугублена существенными противоречиями, которые провоцируют социально-экономические риски, а в совокупности с неспособностью государств преодолевать эти противоречия риски перерастают в криминальные. В статье представлен анализ распространения объемов и темпов теневой экономики, вовлечения населения в противоправную общеуголовную активность и организованный криминальный бизнес, в том числе в условиях глобализационных преобразований. Исследованы механизмы воздействия на воспроизводство преступности экономического неравенства между странами и социальными стратами, роста социально-психологического напряжения населения, социальной эксклюзии. Теоретические выводы усилены статистическими данными, результатами репрезентативных социологических исследований. Отмечено, что специфика криминогенности постиндустриализма в условиях нашей действительности обусловлена переходным (транзитивным) характером развития общества. Достижение общественных и (или) индивидуальных благ посредством преступной деятельности обуславливает ее функциональность. Акцентируется, что противоречия постиндустриального общества преобразуют его в общество риска с мощным криминогенным потенциалом. С позиций криминологической науки обосновывается необходимость рискowego менеджмента как формы мониторинга криминогенных рисков и социального управления ими с целью их минимизации.

Ключевые слова: преступность; криминогенные риски; постиндустриальное общество; детерминация преступности.

T.V. Mel'nychuk
*Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
National University «Odessa Law Academy»*

CRIMINOGENIC POTENTIAL OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY: RISK ANALYSIS

For the countries of the former Soviet Union the problem of inclusion into postindustrial period is aggravated by significant challenges that produce socio economical risks. Linked to state's inability to overcome the challenges those risks escalate into criminal risks. The article analyses shadow economy expansion and speed, people's involvement into illegal criminal activity and organized criminal business (which includes analysis in terms of global changes). The author studies mechanism of influence on crime, economic inequality between countries and social groups, people's psychological tension escalation and social exclusion. Theoretical conclusions are strengthened by statistics and representational social researches. The author states that the transitional type of social development defines specific character of postindustrial criminogenity in our current conditions. Social and (or) individual benefits' obtainment by means of criminal activity conditions its functionality. The author pays special attention to the fact that the challenges of the postindustrial society turn it into a society with a huge criminogenic potential. The author proves necessity for risk management as a way of criminogenic risks' monitoring and their social control aimed at their minimization from the perspective of criminological science.

Key words: crime; criminogenic risks; postindustrial society; crime determination.

Эпоха постмодерна обусловила трансформацию многих сфер социобития. В философии превалирует инструментальный взгляд на научную методологию. Искусство заимствует и интерпретирует достижения прошлого, эклектируя традиционные формы. В экономике производственным ресурсом становятся информация и знания. Ученые трактуют постмодернизм как итог политики и идеологии неоконсерватизма, для которого характерны эстетическое разнообразие, фетишизация предметов потребления, т.е. черты общества, которое называют постиндустриальным [3; 20].

Считается, что впервые научный смысл термин «постиндустриальное общество» получил в работах ученых Д. Бэлла и А. Турена [2]. В современном понимании постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения приоритет перешел от преимущественного производства товаров к преимущественному производству услуг. Постиндустриальными странами называют, как правило, те, в которых на сферу услуг приходится значительно больше половины ВВП.

Согласно идеологии постиндустриализма, именно производственно-потребительские отношения задают ритм развития современных общественных отношений. Собственно индустриализация и подчинение ей других сфер бытия стимулируют прогресс экономического благосостояния, но обратной стороной медали являются необратимые деструктивные процессы. За позитивные сдвиги общество «расплачивается» значительным имущественным расслоением населения, что провоцирует ограниченность доступа к некоторым престижным сегментам рынка товаров и услуг. Отдельные категории населения оказываются «исключенными» из активного участия в перераспределении капиталопотоков и составляют социальную базу для маргинальной среды и криминализации общества.

Научно-практические возможности криминологической науки позволяют исследовать степень криминогенности социально-экономических противоречий постиндустриального общества, проследить механизмы их воздействия на распространение объемов и темпов теневой экономики, вовлечение населения в противоправную общеуголовную активность и организованный криминальный бизнес, что, в свою очередь, обеспечит результативность нейтрали-

зации криминогенных рисков. Представляется, что исследование криминогенного потенциала постиндустриального общества целесообразно проводить с учетом достижений экономического подхода к изучению преступности.

Труды основоположников экономической школы криминологии К. Маркса и Ф. Энгельса дали толчок развитию этого направления во многих странах мира. Так, широко известными стали работы зарубежных ученых Г. Беккера, В. Бонгера, М. Клинарда, Р. Куини, Г. Кайзера, Б. Свенссона, М. Фридмана, Ф. Шнайдера и др. В разработку концептуальных основ взаимовлияния экономики и преступности внесли весомый вклад российские и украинские ученые: А.Н. Бойко, Б.В. Волженкин, Я.И. Гишинский, А.А. Дудоров, Ю.В. Латов, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, А.Г. Кальман, В.В. Колесников, В.М. Попович, Е.Л. Стрельцов, А.М. Яковлев и др.

Несмотря на критику концепции постиндустриального общества, которая, по мнению Э. Гидденса, преувеличивает роль экономического фактора в социальных переменах, критику ранних криминологических работ по экономическому детерминизму в связи с чрезмерной абсолютизацией экономических факторов преступности, в современных условиях невозможно отрицать воздействие социально-экономических параметров на воспроизводство отдельных видов преступной деятельности [5]. Для стран постсоветского пространства проблема вхождения в эпоху постиндустриализма усугублена некоторыми сущностными противоречиями, которые провоцируют социально-экономические риски, а в совокупности с неспособностью государств преодолевать эти противоречия риски перерастают в криминальные. Попытаемся проследить указанные противоречия.

Теория постиндустриального общества оперирует методологией экономической науки и характеризует такое общество как высокоразвитое по большинству макроэкономических показателей: стабильные поступательные темпы развития малого и среднего бизнеса, структура производства, удовлетворяющая основные общественные потребности со смещением в сферу услуг, внедрение высоких технологий, которые позволяют оптимизировать и рационализировать производство, использование информационных возможностей и т.д.

В это же время при характеристике постиндустриализма в условиях отдельно взятого

государства следует учитывать и современную геополитическую обстановку. В связи с активными процессами глобализации ни одна из стран мира не может находиться в некоем «вакууме», неизбежно вовлекаясь в общемировые преобразования. Попытки государств интегрироваться в международные рынки обнаруживают основную проблему – асимметрию в экономическом развитии разных стран. Указанное обстоятельство приводит к эскалации рисков для стран, находящихся на этапе экономического становления.

Стремление отдельных государств обеспечить поступательное развитие собственной экономики темпами, которые позволят преодолеть существующую разницу экономических потенциалов различных государств, сопровождается возникновением теневого сектора экономики, его транснационализацией. По мнению А.В. Козаченко, интеграция Украины в рынки товаров, услуг, производств, кроме позитивных последствий, имеет и обратную сторону, поскольку этот процесс сопровождается интегрированием в существующие схемы международной преступной деятельности как общеуголовного характера, так и экономической. Более того, в условиях постиндустриального общества именно экономика и экономические интересы являются основанием для расслоения субъектов мировой политической системы на тех, которые пользуются результатами цивилизационного развития (так называемые государства с «золотым миллиардом»), и те государства (их подавляющее большинство), которые своим экономическим существованием обеспечивают «цивилизационные привилегии» первых. При соответствующих политических условиях развития постиндустриального общества теневая экономика не могла не возникнуть как результат догоняющего развития стран, которые не могут претендовать на первые роли в процессе распределения доходов цивилизационного развития человечества.

По словам Дж. Сороса, глобальные финансовые рынки работают как гигантская система кровообращения, всасывая капитал в финансовые институты и рынки в центре, а затем перегоняя их на периферию прямо, в форме кредитов и портфельных инвестиций, или опосредованно, через транснациональные корпорации. Влияние финансовых кризисов на центр и периферию неодинаково. Наиболее защищенными оказываются страны, находящиеся в центре. Для тех же, кому не посчастли-

вилось туда попасть, последствия могут быть катастрофическими [16].

Большинство стран постсоветского пространства принадлежит к периферии мировой экономики, что в условиях кризисного ее состояния сказывается на социально-экономическом состоянии конкретного государства и его граждан и катализирует механизм расширенного воспроизводства преступности. Специфика криминогенности постиндустриализма в условиях нашей действительности обусловлена также переходным (транзитивным) характером развития общества. Как указывает В.Н. Дрёмин, «хаотическое «реформирование» советского общества привело в начале девяностых годов к разрушению его институциональных основ, обеспечивающих экономическое, политическое и правовое развитие. Сегодняшнее «транзитивное» состояние украинского общества привело к разрыву системы устоявшихся и жизненно важных ценностей, способствовало окончательному распаду государственных и общественных институтов... При этом преступность не просто вплетена в современные трансформационные отношения: идет активный процесс институализации отдельных видов криминальных практик, т.е. превращения преступности в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в современную систему общественных отношений, становится нормой (привычным образцом) поведения» [9, с. 220, 227].

По оценкам Дж. Стиглица, глобализация и переход к рыночной экономике не дали обещанных результатов в России, как и в большинстве других стран, переходящих от коммунизма к рынку. Запад внушил этим странам, что новая экономическая система должна принести им беспрецедентное процветание, но вместо этого принесла беспрецедентную бедность: во многих отношениях для большинства населения рыночная экономика оказалась даже хуже, чем это предсказывали их коммунистические лидеры [17].

В условиях аномийного состояния постсоветского общества форсированные реформы привели к активизации противоправного экономического поведения. Участие в теневом секторе экономической деятельности позволило «решить», в частности, проблему накопления первоначального капитала (пусть и криминальными методами), выход на международный рынок обеспечил безопасное размещение и отмыwanie незаконных доходов.

Как следствие, противоправная активность в предпринимательской сфере воспринимается скорее как рациональное приспособление к существующим условиям, позволяющее получить максимальный доход при минимальных рисках для девианта. «Рентабельность» экономической преступности при этом повышается за счет взяточности должностных лиц.

Таким образом, противоречия перехода к обществу постиндустриального типа обуславливают функциональность теневой экономики и коррупции, что, в свою очередь, ускоряет темпы криминализации общества. Показательными являются данные о доле и динамике теневой экономики в ВВП по странам мира. По оценкам, сделанным на основе модифицированного метода спроса на деньги, удельный вес и темпы прироста теневого сектора экономики во многих постсоветских странах гораздо выше, чем в африканских странах, а тем более западноевропейских. Так, в 2006 г. доля теневой экономики в Белоруссии составляла 51,0 %, России – 43,6 %, Украины – 42,1 % ВВП (в среднем прирост составил 8–10 % по сравнению с 2003 г. в каждой из названных стран). При этом доля теневой экономики в Норвегии составила 14,8 % ВВП, показатель того же 2006 г. в Тунисе – 30,8 % [19, с. 33–35].

Параллельно с макроуровневыми экономическими рисками возрастают и социально-экономические противоречия на уровне отдельных социальных групп. Криминологические разработки свидетельствуют о взаимосвязи социально-экономического положения населения и состояния преступности; эмпирические исследования прослеживают корреляционную зависимость улучшения/ухудшения показателей уровня жизни населения и динамики некоторых видов преступлений (преимущественно корыстной направленности).

В настоящее время экономический потенциал общественных групп включает три компонента: владение капиталом, производящим доход; причастность к процессам распределения, перемещения и обмена общественного продукта; уровень личных доходов и потребления. Главные же сдвиги в их положении заключаются, во-первых, в гораздо более резкой, чем прежде, имущественной поляризации и, во-вторых, в почти полном исчезновении зависимости между трудом и доходом [10, с. 7].

Так, значительно возрастает имущественная дифференциация в рамках отдельных стран, увеличивается ее значимость при факторном анали-

зе преступности. На земле 1 % населения, составляющего группу богатейших, получает столько же, сколько приходится на 57 % населения, относящегося к группе беднейших [16]. Для Украины особенно характерна проблема отсутствия среднего класса как такового. По оценкам Всемирного банка, Украина в 2011 г. заняла 122-е место в мире по показателю валового национального продукта на душу населения (3 120 дол. США) и входит в группу стран с уровнем доходов ниже среднего. Россия в этом же рейтинге получила 68-е место (10 400 дол. США на душу населения), Белоруссия – 91-е место (5 830 дол. США на душу населения) [7].

Несмотря на то что численность населения Украины со среднедушевыми общими доходами в месяц ниже прожиточного минимума постепенно уменьшается (если в 2001 г. она составляла 82,7 % к общей численности населения, то в 2011 г. – 7,8 %; уменьшается также квинтильный коэффициент дифференциации общих доходов населения: с 2,5 в 2001 г. до 1,9 в 2011 г.), совершенно иной является картина субъективной оценки бедности и социальной самоидентификации домохозяйств [8].

Домохозяйствам было предложено определить, к какому классу по оценке материального благосостояния они себя относят. По результатам опроса, в 2010 г. 60 % респондентов отнесли себя к бедным, к небедным, но еще не представителям среднего класса – 38 %, 1,9 % респондентов отнесли себя к представителям среднего класса, и считали себя богатыми всего 0,1 % респондентов. Такая структура ответов характерна для всех групп домохозяйств независимо от места проживания и наличия детей.

Исследовав конечные потребительские расходы домашних хозяйств Украины по целям за 2012 г. [15], получаем следующую картину. Наибольший удельный вес потраченных средств приходится на продукты питания и безалкогольные напитки (40,9 %), транспорт (12,0 %), жилье, воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива (11,1 %). Наименее расходными статьями оказались здравоохранение (4,3 %), отдых и культура (3,8 %) и образование (1,1 %). В потреблении, которое выходит за пределы борьбы за физическое существование, в разной степени участвует подавляющее большинство населения. При этом исследования показывают, что фактические расходы населения Украины преобладают над официальными доходами. Около 50 % заработной платы и 75 % прибыли являются латентными.

Указанные обстоятельства еще раз подчеркивают противоречия идеологии постиндустриального общества и фактической ситуации социального обеспечения населения. Определение криминогенного потенциала расслоения в социальной структуре общества также связано с возможностями трудовой занятости населения. Концепция постиндустриального общества позволяет рассматривать проблему имущественной поляризации, и в частности бедности, через призму безработицы, возникшей, как бы ни парадоксально это прозвучало, не по причине физической невозможности, интеллектуальной неспособности или эмоционального нежелания работать, а вследствие угрозы недостатка рабочих мест для всех.

По оценкам, высказанным экспертами в 1995 г. на Мировом форуме, в XXI в. для функционирования мировой экономики будет достаточно 20 % населения. Пятой части всех ищущих работу хватит для производства товаров первой необходимости и предоставления всех дорогостоящих услуг, какие мировое сообщество сможет себе позволить. Эти 20 % в любой стране будут участвовать в жизни общества, зарабатывать и потреблять, и к ним можно добавить еще 1 % тех, кто унаследует большие деньги. «У тех 80 процентов, кто останутся не у дел, – говорит Джереми Рифкин, автор книги «Конец занятости», – будут колоссальные проблемы».

Технический прогресс в производстве товаров привел сегодня к уменьшению потребности в занятых; инвестиции предполагают сокращение, а не рост числа рабочих мест. Люди, традиционно именуемые безработными, более не составляют «резервной армии труда», из их рядов выходят так называемые новые бедные [3, с. 144–155]. Оказавшись за пределами игры, они утратили функции, которые можно было бы назвать полезными, не говоря уже незаменимыми, для стабильного и эффективного развития экономики. Они не требуются в качестве даже потенциальных производителей благ; но в обществе, где потребители, а не производители являются движущей силой экономического процветания, бедняки не представляют ценности и в качестве потребителей: они не купятся на лживую рекламу, у них нет кредитных карточек, они не могут рассчитывать на текущие банковские ссуды, а товары, в которых они более всего нуждаются, приносят торговцам мизерные прибыли или даже не приносят таковых вообще.

Как объясняет З. Бауман, неправильно сводить явление бедности к лишению материальных благ и физическим неудобствам. Бедность – это также определенное психическое и социальное состояние, поскольку качество человеческого существования измеряется по стандартам достойной жизни, принятым в данном обществе. Неспособность их поддерживать сама по себе является причиной стресса, страдания и унижения. Бедность в то же время означает ситуацию исключения из того, что признается нормальной жизнью, недостаток возможностей стать такими, как другие, ведет к потере самооценности, ощущению стыда и вины, отказу от своего потенциала [3, с. 89–104].

Таким образом, социально-экономические риски постиндустриального типа приводят к эскалации еще одной проблемы – социальной эксклюзии. Исследуя эту проблему в плоскости криминологической науки, Я.И. Гилинский справедливо указывает, что «исключенные» (страны, группы, люди) служат основной социальной базой девиантности, включая преступность, алкоголизацию, наркотизацию [6]. Следует отметить, что концепция социального исключения в большой степени отражает также изменения, произошедшие в социальной дифференциации. Предыдущая, классовая, стратификация, делившая общество на вертикальные слои, постепенно замещается горизонтальной дифференциацией на инсайдеров и аутсайдеров. А. Турен подчеркивает: «В настоящий момент мы переживаем переход от вертикального общества, которое принято называть классовым, к горизонтальному, где наиболее важно понимать не то, внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии (т.е. сейчас речь идет не о понятиях «верх-низ», а о понятиях «внутри-вне»)» [1].

Чрезвычайно бедственное материальное положение, вызванное прежде всего исключением из рынка труда и рыночных отношений, является главной, но не единственной причиной социальной эксклюзии. Исследователи из разных областей науки сходятся в том, что главным фактором, решающим проблему социальной эксклюзии человека, остается факт лишения его возможности жить теми же проблемами, которыми живет остальная часть общества [18].

Общеизвестно определение преступности как «нормальной реакции нормальных людей на ненормальные условия жизни» или как «массового решения людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета» [2, с. 179]. В связи

с этим преступность становится альтернативной возможностью включения в социальную ткань через институционализированные криминальные практики. Исследуя преступные организации, Г. Поттер определял их общественные функции, среди которых обеспечение методов повышения социальной мобильности для тех, кому недоступны легальные способы, обеспечение широкого спектра социальных и деловых связей [23]. Аналогично рассматриваются возможности, которые создаются при участии в противоправных экономических отношениях.

Таким образом, корысть становится ведущей мотивацией поведения, но мода на «престижные» товары и услуги не всегда удовлетворяется в рамках правового поля. В совокупности с состоянием анонии, психологическим восприятием допустимости противоправных действий, вариант достижения навязанных современным обществом ценностей за счет преступных действий становится нормой поведения. Слабость и коррумпированность системы уголовной юстиции делают криминальные поступки рациональными – при малейшем риске быть привлеченным к ответственности преступник получает быстрый и максимальный эффект в виде прибыли. Как следствие, за период 2008–2011 гг. в Украине наблюдалась положительная динамика преступности. Прирост составлял 34,2 %: от 384,4 тыс. преступлений, зарегистрированных в 2008 г., до 515,8 в 2011 г. [14]. Для сравнения: в 1990 г. уровень преступности в Украине исчислялся 369,8 тыс. преступлений.

В структуре преступности, как и прежде, сохраняется тенденция доминирования преступлений общеуголовной направленности – в среднем 90 % от всего количества зарегистрированных преступлений, соответственно, на выявленные экономические преступления приходится всего 10 %. Так, в 2011 г. 63,5 % составили преступления против собственности, из них 277,6 тыс. краж, 24 тыс. мошенничеств, 23 тыс. грабежей, 3,7 тыс. разбоев.

По темпам прироста, но со значительно большим уровнем латентности, не отстает и беловоротничковая преступность. За тот же период в Украине выявлено более 10,2 тыс. преступлений в сфере хозяйственной деятельности и почти 16 тыс. преступлений в сфере служебной деятельности. Между тем, согласно криминологическим исследованиям, всего лишь около 3–6 % корыстных преступлений совершается по прямой нужде [11, с. 182]. Наряду с проявлени-

ями региональных тенденций криминализации общества еще более ощутимый криминогенный потенциал реализует организованная преступность и ее транснациональные формы. Как указывает А.Л. Репецкая, неконтролируемый процесс формирования индустриальных и постиндустриальных обществ, превратившихся в «общества массового потребления», имел свои непредсказуемые последствия. Пресыщенность материальными благами привела к появлению новых возможностей для отдыха и свободного времяпрепровождения и, соответственно, способствовала формированию спроса на незаконные товары и услуги. Это, в свою очередь, в значительной мере обусловило расширение уже имеющихся рынков сбыта и создание новых рынков незаконных товаров и услуг [15, с. 206].

В транснациональном преступном бизнесе Украина реализуется как страна-донор для поставок живого товара в сферу секс-индустрии, как страна-транзитер в международном наркотрафике (соответственно, определенная часть наркотических веществ оседает в государстве). Благодаря смешанному потоку мигрантов (как въезжающих, так и выезжающих) обеспечивается «занятость» жителей приграничных регионов, «профессионально» занимающихся нелегальной переправкой лиц через государственные границы, и т.д.

Таким образом, процессы глобализации и модернизации современного общества порождают природные и социальные риски, которые стремительно изменяют всю социальную реальность. Возможности постиндустриального общества делают его «обществом риска», в то время как его типологическое качественное отличие составляет высокий уровень социальной рефлексии и осознанное отношение к рискам [21].

В заключение следует подчеркнуть, что преобразования постиндустриального общества наряду с прогрессивным развитием содержат значительный криминогенный потенциал, который формируется за счет углубления экономического неравенства между странами и социальными стратами отдельных стран, роста социально-психологического напряжения населения, расцвета теневой экономики и т.д. Оценка рисков с криминологической позиции содержит немало перспективных моментов с точки зрения нейтрализации рисков. По своей природе риски постиндустриального общества принадлежат к социально-экономическим, могут и должны восприниматься как неизбеж-

ные, имманентно присущие современным условиям и рыночным отношениям, но в связи с отсутствием осознанности отношения к рискам и должной социальной реакции они реализуют свой криминогенный потенциал и перерастают в криминальные формы поведения. Поэтому магистральное значение приобретает

рисковый менеджмент как форма мониторинга рисков и социального управления ими, что так или иначе должно способствовать минимизации криминогенности постиндустриального общества. При этом мировые глобализационные преобразования обуславливают интернациональный характер такой деятельности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 158–166.
2. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А.И. Александров ; под ред. В.З. Лукашевича. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – 562 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
4. Бауман З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 70–79.
5. Гидденс Э. Социология : учебник / Э. Гидденс. – М. : Едиториал УРСС, 1999. – 704 с.
6. Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций / Я.И. Гилинский // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. – 2004. – № 6. – С. 69–76.
7. Государственная служба статистики Украины [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2011/gdn/sddtp/sdrsd_2010.zip.
8. Дифференциация жизненного уровня населения [Электронный ресурс] // Государственная служба статистики Украины : офиц. сайт – Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/gdvdg_rik/dvdg_u/duferen2006_u.htm.
9. Дрёмин В.Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества / В.Н. Дрёмин. – Одесса, 2009. – 616 с.
10. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5–23.
11. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 3-е изд. – М. : Юристъ, 2006. – 734 с.
12. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию [Электронный ресурс] / Г.-П. Мартин, Х. Шуманн. – М. : Альпина, 2001. – 335 с. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_3006.html.
13. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М. : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
14. Министерство внутренних дел Украины [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://mvs.gov.ua>.
15. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность / А.Л. Репецкая : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. – Иркутск, 2001. – 388 с.
16. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства [Электронный ресурс] / Дж. Сорос. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/92353/read>.
17. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц ; пер. с англ. Г.Г. Пирогова. – М. : Нац. обществ.-науч. фонд, 2003. – 304 с.
18. Студенна М. Проблема социальной эксклюзии в постиндустриальном обществе на примере польских и украинских центров угольной промышленности / М. Студенна // История и современность. – 2010. – № 1. – С. 190–201.
19. Суслов Н., Агеева С. Воздействие цены энергии на размеры теневой экономики: межстрановый анализ / Н. Суслов, С. Агеева. – Киев : EERC, 2009. – 40 с.
20. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне : пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2003. – 416 с.
21. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. – Sage, L., 1992. – 260 p.
22. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / Daniel Bell. – N.Y. : Basic Books, 1973. – 507 p.
23. Potter G.W. Criminal Organizations: Vice, Racketeering and Politics in an American City / G.W. Potter // Prospect Heights: Waveland Press, 1994. – 213 p.
24. The World Bank: World Development Indicators, 2012. Gross National Income per Capita 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator>.
25. Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society / Alain Touraine. – N.Y. : Random House, 1971. – 244 p.

REFERENCES

1. Abrahamson P. Social exclusion and poverty. [Abrahamson P. Social'naja jekskljuzija i bednost']. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* – Social sciences and modernity, 2001, no. 2, pp. 158–166.

2. Aleksandrov A.I. Criminal policy and criminal process in Russian statehood. Edited by V.Z. Lukashevich. [Aleksandrov A.I. Ugolovnaja politika i ugolovnyj process v rossijskoj gosudarstvennosti / pod red. V.Z. Lukashevicha]. Saint-Petersburg, SpbGU Publ., 2003, 562 p.
3. Bauman Z. Individualized society. Translated from English under the editorship of V.L. Inozemcev. [Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva]. Moscow, Logos, 2002, 390 p.
4. Bauman Z. Argument on postmodernism. [Bauman Z. Spor o postmodernizme]. *Sociologicheskij zhurnal – Sociological journal*, 1995, no. 4, pp. 70–79.
5. Giddens Je. Sociology: educational book. [Giddens Je. Sociologija : uchebnik]. Moscow, Editorial URSS, 1999, 704 p.
6. Gilinskij Ja.I. «Exclusion» as a global problem and social base for crime, narcotism, terrorism and other deviations. [Gilinskij Ja.I. «Iskljuchennost'» kak global'naja problema i social'naja baza prestupnosti, narkotizma, terrorizma i inyh deviacij]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo Juridicheskogo instituta General'noj prokuratury RF – Writings of Saint-Petersburg Law Institute of General Prosecutor Office of the Russian Federation*, 2004, no. 6, pp. 69–76.
7. State Statistics Service of Ukraine. Official page. [Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Ukrainy : ofic. sajt]. Available at: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2011/gdn/sddtp/sdrsd_2010.zip.
8. Differentiation of peoples' living standards. State Statistics Service of Ukraine. Official page. [Differenciacija zhiznennogo urovnja naselenija. Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Ukrainy : ofic. sajt]. Available at: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/gdv dg_rik/dvdg_u/duferen2006_u.htm.
9. Drjomin V.N. Crime as social practice: institutional theory of society criminalization. [Drjomin V.N. Prestupnost' kak social'naja praktika: institucional'naja teorija kriminalizacii obshhestva]. Odessa, 2009, 616 p.
10. Zaslavskaja T.I. Social structure of modern Russian society. [Zaslavskaja T.I. Social'naja struktura sovremennogo rossijskogo obshhestva]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' – Social sciences and modernity*, 1997, no. 2, pp. 5–23.
11. Criminology: educational book. Edited by V.N. Kudrjavcev, V.E. Jeminov. [Kriminologija : uchebnik / pod red. V.N. Kudrjavceva, V.E. Jeminova. – 3-e izd.]. Moscow, Jurist', 2006, 734 p.
12. Martin G.-P., Shumann H. Western globalization: attack against prosperity and democracy. [Martin G.-P., Shumann H. Zapadnaja globalizacija: ataka na procvetanie i demokratiju.]. Moscow, Al'pina, 2001, 335 p. Available at: http://scep sis.ru/library/id_3006.html.
13. Merton R.K. Social structure and anomia. Sociology of crime (Current bourgeois theories). [Merton R.K. Social'naja struktura i anomija. Sociologija prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)]. Moscow, Progress, 1966, pp. 299–313.
14. Ministry of internal affairs of Ukraine. Official page. [Ministerstvo vnutrennih del Ukrainy : ofic. sajt]. Available at: <http://mvs.gov.ua>.
15. Repeckaja A.L. International organized crime. Dissertation. [Repeckaja A.L. Transnacional'naja organizovannaja prestupnost': dis. ... d-ra jurid. nauk : 12.00.08.]. Irkutsk, 2001, 388 p.
16. Soros G. The Bubble of American Supremacy. [Soros Dzh. Myl'nyj puzyr' amerikanskogo prevoshodstva]. Available at: <http://lib.rus.ec/b/92353/read>.
17. Stiglitz J. Globalization: alarming trends. Translated from English by G.G. Pirogov. [Stiglic Dzh. Globalizacija: trevozhnye tendencii / per. s angl. G.G. Pirogova]. Moscow, National Socio scientific fund, 2003, 304 p.
18. Studenna M. Problem of social exclusion in postindustrial society by the example of coal industry centres of Poland and Ukraine. [Studenna M. Problema social'noj jekskljuzii v postindustrial'nom obshhestve na primere pol'skih i ukrainских centrov ugol'noj promyshlennosti]. *Istorija i sovremennost' – History and modernity*, 2010, no. 1, pp. 190–201.
19. Suslov N., Ageeva S. Influence of energy price on development of shadow economy: inter-country analysis. [Suslov N., Ageeva S. Vozdejstvie ceny jenerгии na razmery tenevoj jekonomiki: mezhstranovyj analiz]. Kiev, EERC, 2009, 40 p.
20. Habermas Ju. Philosophical discourse on modern: translated from German. [Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne : per. s nem]. Moscow, Ves' mir, 2003, 416 p.
21. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity, Sage, L., 1992, 260 p.
22. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting, N.Y., Basic Books, 1973, 507 p.
23. Potter G.W. Criminal Organizations: Vice, Racketeering and Politics in an American City, Prospect Heights: Waveland Press, 1994, 213 p.
24. The World Bank: World Development Indicators, 2012. Gross National Income per Capita 2011. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator>.
25. Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society, N.Y., Random House, 1971, 244 p.

Сведения об авторе

Мельничук Татьяна Владимировна – доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Национального университета «Одесская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент, Одесса, Украина; e-mail: t.melnichuk@gmail.com.

About the author

Mel'nichuk Tat'jana Vladimirovna – Chair of Criminology and criminal and penal law associated professor of National University «Odessa Law Academy», Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Odessa, Ukraine; e-mail: t.melnichuk@gmail.com.